

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

«ВЕСЕЛЫЕ РЕБЯТА»:
ЛЕГЕНДЫ И ДОКУМЕНТЫ

БЕЗУСЫЙ УСАТЫЙ НЯНЬ

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

Бульварные новости

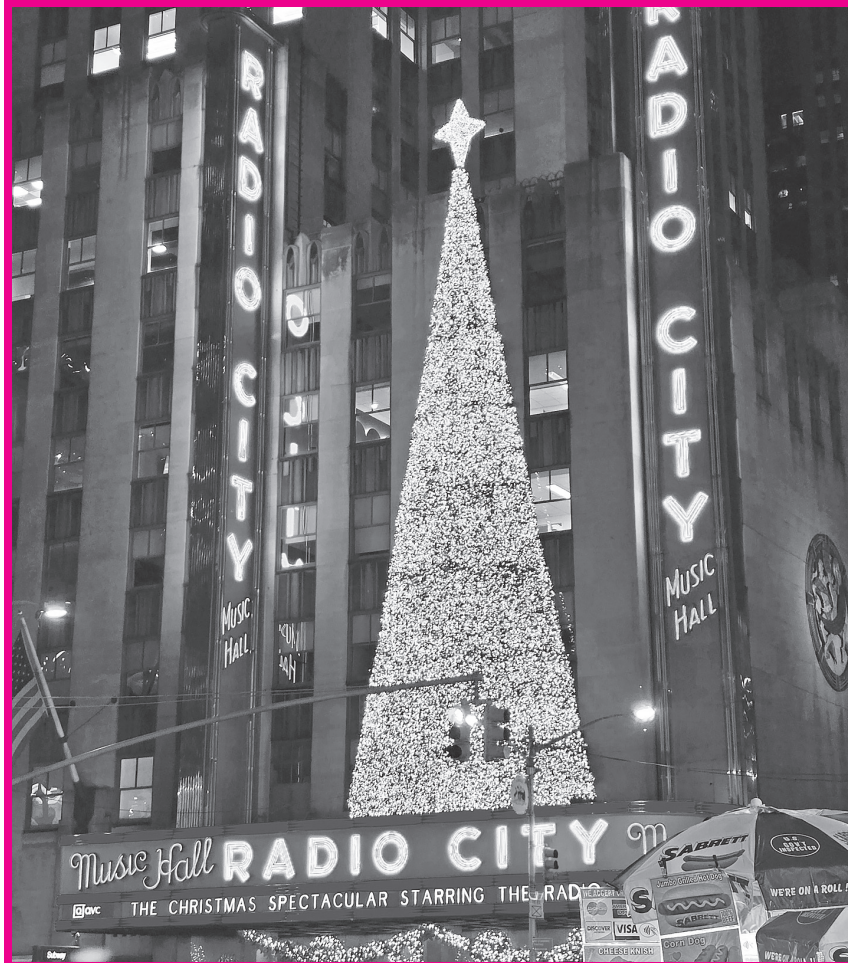
№52 (237)
ДЕКАБРЬ 2024

ВЕРЮ В ПРИМЕТЫ

ПРЕДПРАЗДНИЧНЫЙ
НЬЮ-ЙОРК

СТР. 20-21

ВЕРЮ В ПРИМЕТЫ

Он играет в антрепризах, снимается в кино, выступает с сольными юмористическими программами, много гастролирует. Мы часто с ним встречаемся на одних концертных площадках. Звезда телевизионных программ Олег Акулич.

Геннадий Норд

- Все время хотел тебя спросить, ты действительно автор и исполнитель песен?

- Да.

- У тебя есть профессиональное музыкальное образование?

- Нет. Сам учился.

- Ты говорил, что первые заработанные деньги потратил на то, чтобы купить пианино.

- Это точно. Когда я работал на БАМе.

- Сколько же тебе было лет?

- Шестнадцать. Так хотел себе пианино, что все лето проработал и купил.

- БАМ у тебя был рядом?

- Да. Я жил в 50 километрах от города Усть-Кут.

- Чем занимался на БАМе?

- Мы асфальтировали, дорогу делали. Рядом строили железную дорогу, а мы вдоль железной асфальтировали дорогу, чтобы ехали машины по ней.

- Почему ты значишься и как белорусский актер. Что за веха в твоей биографии?

- Вообще мои предки по отцу белорусы, они жили в Витебске. После революции их сослали в Сибирь, в Иркутскую область, где я родился. Когда я работал в Самарском театре драмы, я приехал

в Минск с моноспектаклем «Акомпаниатор» французского драматурга Митуа. Спектакль увидел режиссер Борис Иванович Луценко, и он пригласил меня работать. Он был в двух театрах главным режиссером - Театре киноактера и государственном Молодежном театре. Вот так я попал туда. Это 90-й год. И там я 15 лет прожил и проработал.

- Самарский драматический театр до сих пор на высочайшем уровне, один из лучших театров страны. Почему вдруг сорвало?

- Тогда был Петр Львович Монастырский, один из лучших режиссеров того времени. И мой педагог говорил: хочешь получить хорошую театральную, жизненную школу - езжай в Самару, не зарься ты на Москву и Питер. Я послушался его, поехал туда и три года там проработал.

- И все-таки позарился.

- Тогда голодное Поволжье было - 300 грамм масла, все это по талонам.

- Это какой год?

- Начало перестройки. И тут я приехал в Минск. Да это просто рай, изобилие какое-то. И вдруг мне предложили остаться, работать там.

- И там же, в Минске, начался роман с телевидением.

- Да. Там была телепередача, как в Москве «Армейский магазин», а в Минске «Марсово поле». Ее увидели Дана Борисова с Ильиным и пригласили меня на эту передачу. И потом пошел сериал «Ускоренная помощь».

- Насколько сложно играть смешные роли?

- Вообще это самый сложный жанр, я считаю. Если по-настоящему к этому подходить. Не просто кривляться, а это должна быть природа твоя, природа комедийная. Это от бога, от родителей. Если тебе это дано, тогда легче это играть. Потому что у тебя еще такая фактура смешная. И тоже сколько раз бывало, когда на съемках умирали все со смеху, когда мы сами хохотали, а было не смешно. А бывало, что играешь и думаешь: господи, не смешно, - а смотришь, и смешно. Комедия - очень сложная вещь.

- У тебя никогда не было ощущения, мол, я хочу сказать что-то очень серьезное людям, а они продолжают по накатанной хохотать?

- Да, было. Потому что штампы, к сожалению, и у зрителей, и у режиссеров. И режиссеры так мыслят, и зрители. Они не хотят уже мыслить по-другому. И только единицы режиссеров, которые могут и хотят работать с артистом и открыть в нем какие-то другие каналы, линии, психофизику его другую.

Окончание на с. 10

Окончание. Начало на с.9

- Это большая проблема и большая трагедия современного кино и театра. Потому что кино и театр эсегодня стали продюсерскими, люди хотят деньги вышибить, а не раскапывать нутро ни актерское, ни зрительское.

- Сейчас время случайных людей. Люди приходят, которые вообще этим делом не занимались. А они думают, что могут, и начинают заниматься. А продюсеры, чиновники соглашаются на это. Потому что пришел профессионал, ему надо 3 копейки заплатить, а пришел непрофессионал, случайный человек, ему можно одну копейку заплатить. И берут непрофессионала и платят ему одну копейку, а остальные - себе в карман. Поэтому у нас сейчас и в кино, и в эстраде, и в педагогике, и в медицине, и получается такой раздрай, нет профессионалов настоящих. Поэтому мы падаем вниз.

- Я слышал такие утверждения, что на самом деле прогресс делают как раз люди непрофессиональные. Потому что они не знают, как это сделать, у них не зашоренные мозги, у них нет школы-студии. И они творят все, что они хотят.

- Я тоже об этом думал. И тоже раньше так шел. А мне кто-то говорил: тут непрофессионально. А я: да ладно, нормально. И как-то у меня это проходило. А сейчас я это понимаю. Потому что со временем требовательность к себе повысилась, и у меня накопился багаж. И я понимаю, что это неправильно. Лучше быть профессионалом. Не надо что-то новое совсем открывать. Пусть осталось то классическое, старое, но хорошее, профессиональное. Пусть будет даже немного скучнее в этом смысле, но профессиональнее. Я за профессионализм. Новаторство? Да, но не всегда.

- Как ты относишься к критике?

- Да. Я рад всегда. Когда после выступления, съемки, спектакля мне говорят: вот тут хорошо. Я говорю: спасибо, но скажи, что не получилось.

- Многие юмористы и исполнители комедийных ролей сталкиваются с такой «проблемой». Когда приходят в новую компанию, их просят пошутить. У тебя есть какая-то ответная шутка на эту реплику?

- Я стараюсь что-то культурно, интеллигентно ответить. Я говорю: а ты мне сделай вот это, покажи, а потом я пошучу. А бывает, и пошутить, в зависимости от того, какое настроение.

- Кто тебя смотрит, кого ты смешишь?

- Наверное, публику от 35 и дальше, рабочие, служащие. Хотя я не хочу разделять юмор. Мне нравится и КВН, и в

Comedy Club есть замечательные вещи. Много мусора, но на них работает огромный состав, 20-30 человек. И вот вроде ничего, а потом раз - какой-то бриллиант появился. Конечно, когда столько человек работают, он и появится. Так и в КВНе, так и «Аншлаге», и в «Смеяться разрешается», и везде есть что-то хорошее. Просто раньше плохое отсеивалось, потому что было мало передач юмористических, нам показывали только хорошее, а тут столько много всего, и мы видим вместе с хорошим и весь мусор. Но мусора всегда больше, чем настоящего.

- Участники того же «Аншлага» ощущают, что их притесняют создающимися многочисленными проектами?

- Да, сволочи притесняют вообще со всех сторон. И те, которые читают по бумажке. Они сами пишут и читают по бумажке. Зачем? Я считаю, что артист должен это делать. Ты мне напиши, а я как артист постараюсь это исполнить хорошо и красиво. А сейчас со всех сторон лезут, житья нет.

- У тебя есть авторы или ты сам пишешь юморески?

- Нет, сам не пишу. Я читаю Шестакова, Трушкина, Альтова, Жванецкого.

- Удастся дружить с коллегами по «Аншлаг», по «Субботнему вечеру»? Или вы только коллеги?

- Больше коллеги. У меня друзей из артистов единицы.

- Почему? Конкуренция и некий сволочизм присутствует в актерском человеческом характере?

- Да, присутствует, к сожалению. Но есть люди неиспорченные, которые остались людьми.

- Не думаешь ли ты выступать с сольными концертами в качестве певца?

В фильме «Похождения солдата Ивана Чонкина»

- Мне многие это говорят. Но я всегда думаю: какой я певец?

- У нас такое количество людей, к которым можно отнести этот вопрос «какой ты певец?». И это им не мешает совершенно работать и деньги зарабатывать.

- Это случайные люди. Я стараюсь к себе требовательно относиться. Я воспитывался на каких певцах? Лежишь, засыпаешь, а из радиоточки поет Ободзинский, Магомаев, Хампердинк, Том Джонс. Вот это певцы.

- Хампердинк остался в стороне на «Евровидении», по-моему, он не набрал баллов. И это было очень обидно.

- Это говорит о публике, о зрителях, кто они. И чем дальше я живу, тем больше я убеждаюсь в этом, к сожалению.

- А писать музыку, песни почему начал? Это душевный порыв?

- Да. Это так получается вдруг, ни с того ни с сего. Я больше двадцати лет назад сочинил песню антикурительную. Это оказался все-таки рэп. А я же не знал, что это рэп. Оно само собой пришло мне в голову.

- Искусство в современном мире способно воспитывать своего зрителя? Или это уже отмершая его функция?

- Нет, еще способно. Мне люди признавались, которые первый раз приходили на спектакль: это замечательно, это хорошо, я буду ходить на спектакли теперь, мне понравилось. Он по-другому взглянул на жизнь.

- То есть человек должен выйти другим из зала?

- Да, это должно как-то его тронуть, потрясти.

- А насколько смех способен изменить человека за два с половиной часа?

- Человек становится на какое-то короткое время добрее и чище, пока он смеется. Но, к сожалению, через некоторое время он возвращается опять. Как мы кино смотрим? Вдруг нам понравилась какая-то сказка, и через некоторое время мы забываем это и опять возвращаемся в свою жизнь. Есть люди, которые стараются не забывать что-то хорошее, работать над собой. А большинство - нет.

- Есть вещи, над которыми ты никогда не будешь шутить, как бы это смешно ни было?

- Я стараюсь не шутить ниже пояса, например. Слежу за собой, сам себя исправляю. Да в мелочах каких-то. У меня в монологе должно быть «красота спасет мир». Мне говорят: знаешь, это уже заезжено, как-то пошло. Значит, я не буду. Стараюсь, чтобы пошлятины не было. В прямом и переносном смысле. У меня добрый, светлый, хороший юмор.

Я обалдел от концерта Эдди Мерфи. Тысячные залы, а что он там читает, ты слышал?

- Вообще многие «комики» совершенно ничего не стесняются.

- Кошмар. Я бы никогда в жизни себе этого не позволил и не позволяю. Но у нас сейчас многие позволяют это. И принимают их великолепно, все хохочут и ржут.

Как-то на одном концерте я что-то рассказываю, все смеются, а Аркадий Михайлович Арканов сидит - ни одна мышца на лице не вздрогнет, не улыбнется. И смотрит на меня. У меня уже ноги начали трястись, думаю: я несу какой-то бред. Закончилось всё, я говорю:

- Аркадий Михайлович, какую-то ерунду я нес?

А он:

- Да ты что, старик, наоборот, я давно так не смеялся.

- Были когда-нибудь случаи, когда приходилось под грохот собственных каблуков уходить со сцены?

- Бывало. Давно, правда, это было, когда молод был, неопытен. Когда что-нибудь читаешь, мне кажется, что это смешно, а публике совсем не смешно. И такая тишина. Но я в это время всегда старался бросить эту вещь и переходить на другую. И это был мороз по коже, это было ужасно.

- Кстати, на трубе играть тоже самостоятельно учился, как и на фортепьяно?

- Да. У меня мама была директором Дома культуры. Из всех инструментов я выбрал трубу. И начал дуть. А потом я до театрального учился в речном училище, мечтал быть или капитаном, или артистом.

- Если представить, что что-то лишило тебя возможности выходить на сцену, ты вернулся бы в речное пароходство?

В фильме «Закон»

- Наверное, я бы занимался каким-то продюсированием.

- Это все равно около сцены.

- Как говорится, можешь не быть артистом - не будь им. Я не могу не быть артистом или чем-то связанным с этим.

- Но продюсирование это очень ответственная штука.

- Да. А что делать? Попробую организовывать. Я сам для себя не могу организовывать, мне стыдно, а для других что-то сделать, попросить - всегда с удовольствием.

- Актер это профессия тщеславная?

- Не знаю. Вот вспомнил байку. Спектакль. И в начале один персонаж должен другого отравить. Стол стоит, вино. Наливает ему и подает бокал. Все видят, как он яд высыпал в это вино. Второй должен выпить и умереть. Начинается спектакль. И первый случайно роняет бокал. А что делать? Как он выходит из положения? Он говорит:

- Да, жаль, упал бокал, хотя немного влаги осталось на камзоле. Лизнуть мне, что ли?

- А с какой ролью удалось сродниться? Кто был ближе?

- Прапорщик. И доктор из «Ускоренной помощи», думаю, тоже. И «Солдат Чонкин» Войновича. Там я играл подполковника Лапшина. Я думаю, это одна из лучших моих ролей. Потому что режиссер хороший, смог что-то вытащить такое, что я не знал, что во мне это есть.

- Есть какие-то роли, которые по разным причинам уже недоступны, которые страшно хотелось когда-то сыграть?

- Нет. Ромео я никогда не хотел сыграть, и Гамлета тоже. Может быть, что-то такое лирическое.

- Большую любовь?

- Да. Не предлагают, к сожалению. Опять штампы эти. А где-то снялся - не показывают. Вот был фильм «Одинокое небо». Я там опять какого-то афериста сыграл.

- Есть вещи, о которых ты жалеешь?

- Да, есть. Где-то я зря снялся, не надо было там сниматься. И на телевидении что-то прочитал - может быть, и не надо было бы. И многое, что не сделал, я жалею об этом.

- Давай вернемся к БАМу...

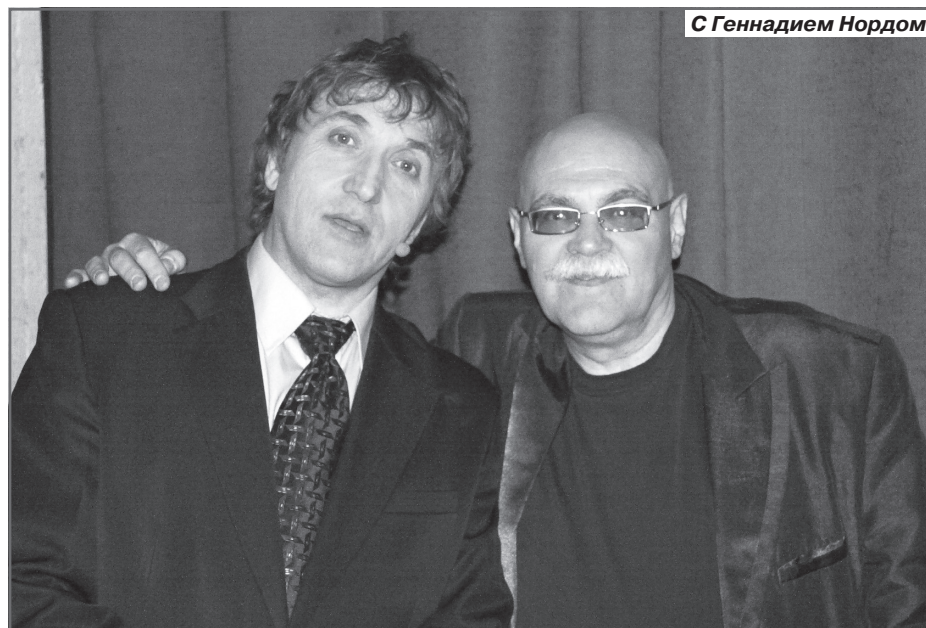
- На БАМ в город Усть-Кут пригласили моего отца художником-оформителем, мы поехали за ним. Мне тогда только десять лет исполнилось.

- И чем занимался?

- Практически тем же, чем и сейчас, только на уровне сельской самостоятельности. Я ходил в местную драмстудию. И очень хорошо помню свой первый спектакль «Два капитана» в народном театре, где я играл роль капитана Татинова.

Когда после 8-го класса оказался перед выбором кем быть - капитаном или артистом, я выбрал первое. Форма красивая, романтика. Но при этом меня все равно тянуло на сцену, и я выбрал некий компромисс. После каждого года учебы на реке Лене мы проходили практику. И я добросовестно ее отрабатывал. Но не по специальности, а в качестве музыканта-затейника - вел концерты на агиттеплоходах, которые забирались порой в такую глушь, где у людей даже телевизоров не было.

Вот примерно в такую глушь - в город-порт Олекминск в Якутии - меня и распределили туда после окончания училища. Начальником причала. Я не стал никого обманывать и остался

в Усть-Куте работать грузчиком. Вот это был первый этап в моей жизненной копилке.

- А как стал артистом?

- Поступил в Иркутское театральное училище. Закончил его с красным дипломом и, как все отличники, имел право выбора. У меня было несколько предложений из разных городов, я, как уже говорил, остановился на Куйбышевском театре.

Через три года получил приглашение в Минск в театр киноактера и там уже стал настоящим многостаночником. Началась работа и на эстраде, и на телевидении.

- Знаю, что гоняешь за рулем. Часто нарушаешь правила дорожного движения?

- Каюсь. Но иначе просто не могу. Мне часто приходится спешить. Терпеть не могу опаздывать или быть необязательным.

- Очень много работы?

- Хотелось бы больше, но в то же время грех жаловаться. Я уже не помню, когда находился в простое. Только в художественных фильмах и телесериалах мне удалось сыграть уже больше десятка главных ролей. Интенсивно снимаюсь. К тому же у меня лежит еще несколько

сценариев, продолжаю играть в пьесах и антрепризах, выступаю с сольными концертами на эстраде.

- Не распыляешься?

- Есть немного. Если бы сконцентрировался на чем-то одном, наверняка бы уже давно вышел «в люди». Но, с другой стороны, подобная разноплановость помогает мне как человеку быть богаче духовно, а как артисту - техничнее и гибче. И это очень хороший способ освободиться от того прокрустово ложа, в которое я когда-то залег.

- Ты имеешь в виду твою ярко выраженную склонность к юмору?

- Именно. Я уже немного подустал юморить и с удовольствием бы сыграл что-нибудь лирическое или драматическое. И этот штамп, закрепившийся за мной не без помощи режиссеров, начинает мне мешать. Напрасно думают зрители, что тот или иной штамп - актерская ограниченность. Просто режиссерам так проще. Для чего лепить из артиста какой-то образ, когда проще взять человека, узнаваемого зрителями. Какой он есть, так пусть и играет, независимо от роли. Уже и у продюсеров формируется такой же взгляд, недавно я это испытал на себе.

Снимался сериал, где нужно было сыграть роль автора-исполнителя собственных песен, который отсидел в тюрьме

ме, прошел через все тяжкие, а после стал знаменитым.

- Кстати, я такую роль сыграл в сериале «Однажды в милиции».

- Знаю. Но ты играл, практически, сам себя, ты же автор-исполнитель. А в моем случае многих артистов пробовали - не пошло, а у меня получилось с первого раза. Режиссер аж прослезился во время одной из сцен, но когда отснятый материал увидел продюсер, он тут же запротестовал:

- Не пойдет, Акулич работает на эстраде. И не пошло, независимо от всех аргументов режиссера.

Не согласен категорически с таким подходом! Если артист профессионал, его профессионализм должен эксплуатироваться в полном объеме.

- В каком театре ты служишь?

- Я не работаю ни в каком театре. Театр забирает все время, а платит... А я не настолько богат. Я очень долго был человеком без определенного места жительства. Понимаю, звучит неблагозвучно, но де-факто именно так. Был, например, период в моей жизни, когда я жил в Минске, снимался в Москве, а на телевидении в Ханты-Мансийском автономном округе вел ежедневную музыкально-юмористическую программу «Соло на диване». Потом ее стали записывать на радио, и многие зрители были убеждены, что я родом из Ханты-Мансийска и там живу.

- Ты чувствуешь себя баловнем судьбы?

- Конечно же, нет. Какие-то преграды всегда были на моем пути, всегда трудности себе устраивал, а потом героически преодолевал их. Вот почему-то так. Никогда в жизни никаким баловнем не был. Абсолютно!

- А каким ребёнком ты был?

- Достаточно любознательным, интересующимся многим. Никогда дома не сидел. Мы играли во всякие игры. Я не мог усидеть на месте.

- Ты рос в маленьком городке?

- Нет, я рос в Иркутской области в селе Харик с населением в 3 тысячи человек. Там четыре Дома культуры было! И все действующие! Между собой они к тому же соревнования проводили по художественной самодеятельности. Вот так-то! А мама у меня, как я уже говорил, была директором Дома культуры.

- Вот откуда актёрские способности!

- Ну, конечно! Я же с детства всё это впитывал. И бабушка у меня была ещё та артистка! В жизни просто. Все шукшинские образы окружали меня. В основном, это мои родственники. Просто сиди, смотри на них - и будешь умирать со смеху!

- А какие-то нестандартные ситуации бывали на съёмках?

- «Коммуналку» снимали в пятницу 13-го. По сюжету я там курю в постели. Зажигается кровать. Мне надо её тушить. А такой огонь мощный! Комнатка маленькая, и в ней находится два баллона с газом для разжигания огня. Вся комната просто полыхает. Невозможно войти в неё. Пекло! А я смотрю и говорю:

- Ребята, я должен сниматься и тушить, а если рванет?

Отвечают:

- Всё нормально будет!

Первый дубль прошёл - слава Богу! Всё в дыму. Съёмочная группа в противогазах стоит, а мне приходится играть второй дубль и третий. Был такой кошмар! Но, слава Богу, всё прошло хорошо.

- Актёры - суеверный народ. Это так?

- Что-то есть! Верю-не верю, но часто получается, если я пошёл на работу и вернулся - значит, всё нормально, значит, повезёт. Проверено! Поэтому в приметы верю.